

Сергей Курсиш

Ангелы мира

Сергей Курсиш

Ангелы мира

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33574378

ISBN 9785449086198

Аннотация

Поведать Вам, друзья, решил я одну историю про то, что уже было или будет, а с кем, – на небе решено. Про двух солдат, про две их драмы: Танкиста, родом из Владимира, и чернокожего солдата, с далекой, жаркой Алабамы. В своем рассказе я осмелюсь чуть вывернуть нутро войны, подав его в реальных красках дабы задумались все мы. Чтоб ясно все могли представить и запах носом ощутить, изо всех сил, чтобы старались, мир ради жизни сохранить.

Содержание

Ангелы мира

5

Конец ознакомительного фрагмента.

81

Ангелы мира

Сергей Курсиш

© Сергей Курсиш, 2018

ISBN 978-5-4490-8619-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ангелы мира

Прошу прощения у обладателей таких же имен, какие встречаются в рассказе, за возможно, неправильное их написание.

Прошу извинения у военных экспертов, за возможные тактические и технические неточности.

Так же, извиняюсь перед автоинспекторами, если «джип» и «пикап» в моем рассказе воспринялись, как одно и то же. Я имел в виду полноприводную, мощную машину, жертвуя возможной неточностью ради рифмы.

Справка от автора для 90% девочек и 10% мальчиков:

Развед-бат – разведывательный батальон (рота, взвод).

ДОТ – долговременная огневая точка.

БМП – боевая машина пехоты.

БТР – бронетранспортер.

РПГ – ручной противотанковый и противопехотный гранатомет. Все зависит от типа заряда (гранаты).

ПТУР – противотанковая управляемая ракета.

Буссоль – (стереотруба) прибор для наблюдения из укрытий. Снизу бинокль, от которого поднимаются вверх две тру-

бы с «глазами». Устанавливается на треноге.

«труба» – в солдатском просторечии – ПТУР.

КЭП – в солдатском просторечии командир (старший).

* * *

В пылу отчаянья и боли,
Средь ужаса и зла войны,
В полях таких же, как и прежде,
Разных сторон стоят сыны.

Разных сторон, от разногласий,
От разных голосов о том,
Кому и как жить в этом Мире,
И кто же, самый главный в нем.

Долго стоять удел немногих,
Судьба у многих – умирать.
И неживым став, быть полезным,
Живого, телом прикрывать.

В века другие, в полях тех же,
Лики великих тест сдают:
«Велик ли лик их, в самом деле,
Так же, за них на смерть идут?»

Под знаменем у них не пусто,
С зарей придет электорат экрана.
«Лишь бы, избави Бог не поздно,
То не беда, что слишком рано».

В пылу борьбы разносторонней,
Борясь, валяются в пыли,
Разных идей сыны людские,
Бога идей и Сатаны.

И кажется одним все время:
«Мол, что ни делай – с нами Бог».
Другие тоже, Бога молят,
Чтоб Дьявол их не превозмог.

И мнимый лидер, заблуждаясь,
Решив, что Мир весь для него,
Судьбы народов сам решает,
Не спрашивая никого.

Не будет несогласным жизни,
От всемогущих его рук,
Пол Мира, словно паутиной,
Оплел он будто бы паук.

Хоть в Мире все, единым Богом,

Для всех и каждого дано,
И к жизни путь, так очевиден,
Очам не видно ничего...

Поведать Вам, друзья, решил я,
Одну историю про то,
Что уже было или будет,
А с кем, – на небе решено.

Про двух солдат, про две их драмы:
Танкиста, родом из Владимира,
И чернокожего солдата,
С далекой, жаркой Алабамы.

В своем рассказе я осмелюсь,
Чуть вывернуть нутро войны,
Подав его в реальных красках,
Дабы задумались все мы.

Чтоб ясно все могли представить,
И запах носом ощутить,
Изо всех сил, чтобы старались,
Мир ради жизни сохранить.

И жизнь, и смерть, я попытался,
Вам натуральной показать,
Чтобы представить, как не просто,
Жизнь ради жизней отдавать.

В ладу и в мире жил Владимир,
Пока не началась война,
Не покидая свой Владимир,
Но разлучила их беда.

Стоял, как все в военкомате,
В руках повестку он держал,
– Танкисты есть? Вопрос услышал.
– Да, я танкист. В ответ сказал.

Начал он службу в развед-бате,
Стал их усиливать броней,
И тишина была так редко,
Что забываться стал покой.

Понюхал пороху он вволю,
Товарищей в бою терял,
Видел, как в землю кровь уходит,
Но из последних сил стоял.

История двух судеб разных,
Двух миллиардов, двух тысяч лет...
В секунды дремоты солдатской,
Мысли в тоннеле ищут свет.

Качнуло танк в дорожной яме,
Стукнулся шлемом по броне.
«Чуть задремал, ну что ж, бывает,
Я здесь, я снова на войне».

Ревет мотор, машина едет,
Отход разведки прикрывать,
Что шарит, словно шило в сене,
Чтоб знать, где силу применять.

И вот сегодня это шило
Вонзилось в мякоть не друзей,
Переполох был со стрельбою,
С девизом: «Лучше первым бей».

Засады умно расставляя,
Разведка отходила в тыл,
Друзей навеки оставляя,

Чтобы один за всех платил.

И он платил за всех с улыбкой,
Таких не нужно назначать...
Вот и сейчас, остались двое,
Чтоб жизнь, на время обменять.

Тут полоса лесная справа,
Вот ферма – главный ориентир,
Слившись с листвой в полоске леса,
Отряд отводит командир.

Вдали был слышен бой недолгий,
Засады били с двух сторон.
Затихший враг недолго думал,
Гранатомет... Вопрос решен.

Разведка быстро отходила,
Неся чужие тайны вдаль,
Погоня резво нагоняла.
«Скоро работать... эх, печаль».

А командир, словно влюбленный,
Усталых глаз не оторвет,
От красоты земли родимой,
Которая убережет.

Пускай найдется лишь морщинка,
В этой великой красоте,
Овражек, малая ложбинка,
Почти по нашей высоте.

Мы будем в ней малозаметны,
Недосягаемы для стрел.
Был козырь первого удара,
Верный помощник ратных дел.

Вылез из люка, стал на башню,
Пути отхода поискать,
Ведь мало ли, как карты лягут,
Нужно уметь и отступать.

– Владимир, спишь?

– Я тут, коллега.

– Вон, видишь в поле поворот,
Что делает эта дорога?

– Да, он в прицеле, вижу вот.

– Померь до ориентиров дальность,
В пушку «осколочный» забей.
Проснитесь, рулевой обоза!

– Да с вами я. Сказал Сергей.

– Как хорошо, команда в сборе, иди ко мне,
Только быстрее, я покажу тебе морщины,
Что продлевают жизнь людей.

Определил пути отхода.

– Все по местам, уж близок час.

Владимир взял в прицел дорогу,
В стволе осколочный фугас.

– Я наверху, за пулеметом,

Чуть покусая, и под люк.

С первых минут, как можно многим,
Нам нужно выписать «каюк».

– Механик, брат, как бой начнется

И мы им станем не секрет,

Включай, дружище, передачу

И будь готов спастись от бед.

Первый разрыв от миномета,

Это сигнал нам отходить.

Отходим, вон по той ложбинке,

Чтобы позицию сменить.

В прицеле лишь простое поле,

Дорога, жизненный пейзаж,
Но мчит уже на повороте,
Вражьей разведки экипаж.

– Сперва по БМП работай,
А я по «хаммеру» пройду,
Всем действовать по обстановке,
Если с дистанции сойду.

Марка прицела, словно стрелка,
С градуировкой и шкалой,
Будто бы график из тетрадки,
Школьной поры его, былой...

Стрелку отвел на упрежденье,
Кнопку нажал – снаряд ушел,
С ужасной силой оттолкнувшись,
Назад орудие отвел.

Лязгнул затвор, как наковальня,
Исчезла гильза из ствола,
А пыль, как занавес из тюля,
Обзор слегка заволокла.

Быстро пошел горячей точкой,
Навстречу с целью их снаряд,

Скоро решатся чьи-то судьбы,
Что за броней чужой сидят.

– Да, попадание! Отлично!
Чуть вздувшись, встала на дыбы,
Пехоты вражеской машина,
Одной беды, одной судьбы...

И в «хаммера» попали тоже,
Но не фатально, заюлил,
За холмик поскорей убраться,
Пока не поздно поспешил.

И БМП второе в поле,
Ищет укрытие уже,
Навскидку, наспех отстрелялись,
На незнакомом рубеже.

Уже второй снаряд в канале,
Сигналит лампочка «готов»,
Но не готов еще наводчик,
Шепчет сквозь зубы пару слов.

Вроде поймал, нажал на «выстрел»,
Умчалась точка вдаль к врагам,
Но где-то с ними разминувшись,

Ударила в степной курган.

Восемь секунд, и шанс последний,
Иначе скроется из глаз.

– Не подкачай, родной, достань их,
Так же давай, как первый раз!

Увидел холм неподалеку,
«К нему наверняка бегут»,
Навел туда, чуть выждал время,
Нажал... и тишина, все ждут.

– Ура!!! Попал родной, ты гений!
Кричал охрипший командир,
А по броне, уж застучало,
Смерть приглашала всех на пир.

А вот и первые разрывы,
Ищет добычу миномет,
Буд-то бы фишки на квадраты,
Чтобы заполнить их, кладет.

Взревел мотор, и задымившись,
Танк задним ходом отступал,
В леске, тем временем разведчик,
Врагам урок преподавал.

Хлопки от выстрелов, разрывы,
Решается извечный спор,
Нарвали гневные нарывы,
И гнев потек, как гной из спор.

По спорам кожи он сочится,
Адреналиновый озноб,
Чуть сплеховал – и оштрафуют,
Горячей пулей прямо в лоб.

Тут все по-честному, без фальши,
Здесь лишь сильнейший победит,
И еще год, а может месяц,
Он за идею постоит.

Коль не смогли договориться,
Люди в солидных пиджаках,
Что, словом могут спор уладить,
А не в бою на кулаках.

Врагам уменье улыбаться,
Дар политических мужей,
Во лжи и фальши разбираться,

Врага запутанных речей.

То говорить будут другие,
В одежде грубой и в броне,
Кто жив – тот в споре победитель,
Хоть мог, не правым быть вполне.

Вот тут нужна всем помощь Бога,
Чтоб только правый победил,
Знамя добра во имя жизни,
Чтобы над Миром водрузил.

Танк отошел, сменили место,
Дальность замерили уже,
И «хаммер» вражий откатился,
Став за горящим БМП.

Ведет огонь из пулемета,
И корректирует обстрел,
Укрытых где-то минометов,
И в этом он поднаторел.

Ложатся рядом с танком мины,
Так и гляди накроют их,

И снова танк переезжает,
Механик трудится, затих.

«Скоро враги подтянут силы,
Бить артиллерия начнет,
И наши, тоже на подходе...»
Предмет – война, живым – зачет.

– Послушай кэп, левее двести,
Я «хаммера» смогу достать.

– В открытом поле, нам и сотни,
Враг не позволит пробежать.

– Хотя бы сто, и я достану.

– Точно достанешь?

– Будет мой.

– А, что ответит нам на это, наш несравненный рулевой?

– Можно рискнуть.

– Тогда за дело. Ну, покажи вожденья класс.

– Лишь бы машину не разули,

Тем самым шанс, отняв у нас.

Взревел опять надежный дизель,

И танк по полю побежал,

Сжирала ямы «ходовая»,

Каждый себя внутри держал.

Но все равно, нет сил им данных,
Чтоб тряску адскую сдержать,
И бьются лица о прицелы,
Кровь на лице его опять.

Разбиты губы, пыль эмали,
Песком скрежещет на зубах,
Это печалит их едва ли,
Адреналин кипит в сердцах.

Хоть и трясло, как в шторм ужасный,
В триплексы видел командир,
Две вспышки от гранатометов,
Танк был мишень, а поле – тир.

Как точка пронеслась над баком,
Кумулятивная стрела,
Другая чиркнула по башне,
И «глаз ночной» с нее снесла.

Тяжелый выдох напряженья,
Наводчик, рядом командир:
– Фухх... пронесло нас, слава Богу.
– Водитель, ты же мой кумир!

– Чуть-чуть вперед, прикройся кочкой.
Наводчик, заряжай снаряд!
Метров пятьсот до них, не больше,
Быстрой, у них перезаряд!

Танк подползал, скрывая брюхо,
Поросшим травами холмом,
Конвейер выбрал из комплекта,
Снаряд для встречи со стволом.

Лязгнул затвор, замкнулась глухо,
Цепь из железа и людей,
Союз тепла с холодной сталью,
Для достижения идей.

Сердце колотится, но руки,
Тверды подобно стали той,
Стрелку установил под «хаммер»,
Кнопку нажал... «Ну все, ты мой».

Словно вулкан под ним разверзся,
Подбросило машину вверх,
Тела небрежно разбросало,
И смерть угомонила всех...

– Смени позицию, Сережа.
Владимир, выстрел просто класс.
Прими Господь все эти души,
И за грехи прости всех нас.

Уже не так точны их мины,
Ослеп далекий миномет,
Да, и в леске стрельба стихает.
«Первый тайм наш, живым – зачет».

Живым – зачет, почет – погибшим,
Смерть жертвам начала подсчет,
Вот результат ошибок страшных,
Большой политики просчет.

Танк отошел, наверх все вышли,
Бинокль ходит по рукам,
Рукой дрожащей сигарету,
Поднес к разбитым в кровь губам.

Дали бинокль, взял, всмотрелся
И сигарету уронил...
Правее БМП подбитой,
Расчет на них ПТУР наводил.

– Ложись!! На нас «трубу» наводят!
И инстинктивно прыгнул в люк,
Двое бежали от машины,
Волнение, паника, испуг...

Башней вильнул и цель нащупал,
«Осколочный» зашел в канал,
Увидел пуск... «Все же успели»,
На кнопку выстрела нажал.

И разминулись где-то в поле,
Две смертоносные стрелы,
Разных людей, идей и воли,
Одной безжалостной войны.

Доли секунды жили мысли:
«Я цель, мишень, я видел пуск,
Забавно так...» И улыбнулся.
«Так странно, смерти не боюсь...»

Где-то, примерно часом раньше,
В той, что напротив стороне,
Лежал один солдат в палатке,

Лежал и думал о войне.

Был он из штата Алабама,
Контракта шел последний год,
Привык уже, что Алабамой,
Его любой солдат зовет.

Инструктором на Украину,
Солдат приехал помогать,
Чтобы помочь «свободным людям,
В битве с тираном устоять».

Весь развед-взвод сюда прислали,
Ими командовал сержант.
– Мы здесь являемся примером,
Во все глаза на нас глядят.

«Не зря мы здесь, мы Мир спасаем.
У Мира есть надежда – мы.
И Бог нас в этом не оставит,
Раз с нами Бог, то мы сильны.

Так говорил нам всем, наш лидер,
Напутствуя на долгий путь,
Что мы особенные люди,
И в нашей правде, жизни суть».

Затем, чуть преломились мысли,
Буд-то сквозь матово стекло,
Поплыли образы любимых,
Все дымкой сна заволокло.

Шум, беготня, сержанта крики,
Заставили покинуть сон,
В котором, словно в теплом море,
Был с головой он погружен.

– Подъем солдат! У нас проблемы,
Погиб весь наш разведдозор,
Один в плену, враги отходят,
Не перехватим – нам позор.

Схватил винтовку, и на выход,
«Хаммер» всем двери распахнул,
Упали в кресла и помчались,
А старший карту развернул.

Две БМП несутся сзади,
Едва видны в клубах пыли,
Сержант по рации для взвода:
– Меня всем слышно? Раз, два, три.

– В первой «коробочке» вас слышим,
– Вторая плохо слышит вас.
Откройте шире карты уши,
Всем слушать боевой приказ:

Разведдозор от развед-взвода,
Столкнувшись с силами врага,
Практически весь уничтожен,
Убитых пять всего пока.

Их было шесть, значит шестого,
Враг, отступая, взял с собой,
Четвертый взвод их догоняет,
Прикрывшись лесополосой.

Вот полоса, старая ферма,
Они сюда врага теснят,
Мы же зайдем во фланг иль с тыла,
Наша задача – перехват.

Проехали изгиб дороги,
Ферма виднеется в дали,
Две БМП летят вдогонку,
Чуть отрываясь от земли.

Вдруг, впереди сержант заметил,

Вспышку чуть видную в пыли,
Что поднимает выстрел пушки,
Укрытой в трещинах земли.

Закрыл глаза, напрягся в целом,
Подумал: «Лишь бы не страдать...»
Но, тишина. «Вдруг показалось?
Знать, не сейчас мне умирать».

Вдрогнуть заставил разрыв сзади.
«Не показалось все же, нет».
Вмиг обернулся и увидел,
Как БМП сошла на «нет».

С дистанции ушло пол взвода,
«Страшный удар нанес нам враг».
По связи закричал: – Все в поле!
Спасенье холм или овраг!

И тут же, словно молотками,
Пули по «хаммеру» прошли,
Дыры в стекле, хрипит водитель:
– Я не могу сержант, рули...

Стрелой машина мчалась в поле,
Стремясь за холм скорее встать,

А вслед за ней свистели пули,
Стремясь опять ее достать.

Слышно, как с БМП стреляли,
Заметив спрятавшийся танк,
Они огнем своим не дали,
Их расстрелять и сорвать банк.

«Хаммер» за бугорком укрылся,
Водитель перестал стонать,
Крупнокалиберная пуля,
Навеки уложила спать.

– Коробочка, не стой на месте,
Бегом за холмик на час дня!
Спасибо за огонь поддержки,
Нам дали шанс, должник ваш я.

Станешь за холм и задымляйся,
Я минометы запрошу,
Начнут долбить, ПТУР установим,
Я его лично потушу.

Он запросил поддержку тыла,
Координаты передал,
И видел, как снаряд неточный,

За БМП курган вспахал.

«Должен успеть к холму, уж близко,
Еще немного – и ушли,
И будет шанс у нас отбиться,
Вот, минометы в ход пошли».

Смотрел он вслед своей машине,
Как вдруг, расширились глаза.
«Да... в них попали, нет их больше».
В глазах бессилия слеза.

«Всего каких-то десять метров,
И был бы экипаж спасен,
Теперь исход этого боя,
Не в нашу пользу предрешен».

Дыру пробив, внутри взорвался,
Отменно пущенный снаряд,
Машина вздулась, башня рядом,
Фрагменты тел вокруг лежат.

А впереди пошли разрывы,
Прогнали минометы танк.
– Эй, Алабама, ПТУР поставьте,
Попробуем сыграть ва-банк.

Они отходят, задымились,
Я тоже «хаммер» отведу,
ПТУР хорошо замаскируйте,
Их пулеметом отвлеку.

Цель уточню я минометам,
Танк будет вновь переезжать,
Тогда, и шансы у вас будут,
Его стрелой своей достать.

Возьми ручных гранатометов,
И пару я себе возьму,
«Трубу» ведь заряжать не быстро,
Из них стреляйте по нему.

Но, лишь когда корму покажет,
В лоб – только зря будешь стрелять,
Смотрит в бинокль и вещает:
– Левее восемь, вперед пять.

Мины ложатся совсем рядом,
Скорей всего скоро пойдет,
Быстрей ползите к тому камню,
Установите свой расчет.

Завел машину, ехал задом,
К горевшей технике своей,
В которой потерял он сразу,
Десять проверенных людей.

Двоих живых он обнаружил,
Возле горящей БМП,
Один без ног и без сознания,
Другой с одной рукой в руке.

Смог обколоть ее морфином,
И кровь жгутом остановить.
– Могу стрелять из пулемета...
Солдат пытался доложить.

– На жгут, морфин, займись вот этим,
Не то он кровью истечет,
Шанс не велик с гранатометом,
После пойдешь за пулемет.

А, Алабама и товарищ,
Ползли с железом на спине,
Тот был крупней, тащил треногу,
С гранатометом на ремне.

Труба досталась Алабаме,

И РПГ был за спиной.

«Еще чуть-чуть и вот он камень,
Прикрыть он сможет нас собой».

Танк, в самом деле, снялся с места,

Сержант по радиии: – Огонь!

Противник дал нам шанс, ребята,

Мчится по полю словно конь!

Один, второй, и оба мимо.

Да, расстоянье велико,

Если б стреляли на ученьях,

Сержант сказал бы: «в молоко».

А кэп попал, но неудачно,

Фару «луна» он с башни снес,

И вновь танк стал недосягаем,

Все дело, осложнив всерьез.

Спустя минуту выстрел танка,

«Хаммер» подбросил над землей,

Сержант умолк, соединился,

Со своей взводною семьей.

В прицел увидел Алабама,

Как покидает место танк,

«Вот это да, остановился,
Кумулятив в трубе – ва-банк!»

Танкисты вылезли на башню,
Смотрят в бинокль по одному,
«Секунды вам, враги, остались,
Лишь перекрестия сведу».

Но вдруг, танкист расчет заметил,
Предупредив всех, прыгнул в танк,
И башня в сторону расчета,
Вдруг повернулась... «Да, ва-банк».

Кресты сошлись на русском танке,
И Алабама «пуск» нажал,
В прицел, увидев пыль и вспышку,
Как дым из пушки вытекал.

«Все же успел...» Мелькнули мысли.
«Какой хороший механизм,
Что танк так быстро заряжает,
И его создал коммунизм...»

Страшный удар в глаза и уши,
Адская боль, то свет, то тьма,
Открыл глаза, земля дымилась,

Лежала рядом голова.

И хаотично был разбросан,
Кишечник этой головы,
Чужим жильем нутро запахло,
Глаза закрылись. «Мы мертвы...»

В неопишемом блаженстве,
Не познанным за столько лет,
Он поднимался над телами,
Его тянул небесный свет.

А в пятисотметровой зоне,
Без башни танк стоял в огне,
Владимира несли по полю,
Поочередно на спине.

Сильный удар пришелся в башню,
В лоб с командирской стороны,
Кумулятив промыл дыру в ней,
Внутрь вплеснув поток брони.

Кровь из ушей, ожоги тела,
Контузия и боли шок,

Но экипаж не растерялся,
Быстро товарища извлек.

Танк запылал, комплект взорвался,
Башня поднялась на огне,
И он, теряющий сознание,
Смотрел на все словно во сне.

Как бы в замедлившихся кадрах,
Упала рядом, пыль подняв,
И все кто мог, перекрестились,
За Божье чудо все приняв.

– Чудом успели, да, Серега?
– Доли секунды, правда, кэп.
Значит, не зря достать рискнули,
Чуть не сгорел, хотя ослеп...

– Нет, не ослеп, глаза я видел,
Он просто сильно обгорел.
Так что, не зря все, потащили,
У каждого здесь свой удел.

Уже он видел не глазами,
Боль отключилась, он взлетел,
Тоннель светился ярким светом,

И он в него войти хотел.

С улыбкой тело провожая,
Что нес по полю его кэп,
Он от блаженства отключился,
От света яркого ослеп...

Открыл глаза, белым бело все.
«Толи тоннель, толи просвет»,
Не было стен и все светилось,
Пошел вперед на этот свет.

Шел или плыл, как будто зная,
Куда в итоге он придет,
Видит пространство в виде залы,
А в нем собравшийся народ.

Все были странно так одеты,
По шею в белом, лишь лицо,
Смотрело сверху силуэта.
«В уме ли я, в конце концов?»

А эти белые одежды,
Светились, создавая фон,

Где хорошо видны, лишь лица.

«Где это я?» Подумал он.

И вдруг, себе уже не веря,

Почти списавши все на бред,

Знакомые увидел лица.

«Какой-то странный лазарет».

Двое парней из развед-взвода,

Стояли рядом, как в строю,

– Здорово, парни. Это где мы?

Я только что ведь был в бою.

Ваш же отход мы прикрывали,

Две БМП подбил наш танк...

И, что это за спецодежда,

Вы объясните, что да как?

– Здоров, Владимир. Мы в засадах,

Двух перекрестных стали ждать,

Чтобы врага чуть-чуть замедлить,

Дать нашим фору минут пять.

– Но трех минут не простреляли,

Наш автомат и пулемет...

– Уж больно меткий у них парень,

Что в руки взял гранатомет.

Похоже, друг, что мы убиты...

– А вон еще двое идут,

Из нашего подразделения...

– А остальные, кто все тут?

– Ну, раз я вижу чернокожих,

Американцы значит, брат.

– Да, набралось их тут не мало...

– А вон еще трое летят.

– Значит, убиты мы... Печально.

– Мы-то убиты, а вот ты...

Ты отличаешься немного,

От всей блестящей простоты.

Комбинезон, твои ботинки,

Даже сквозь свет бросают фон,

Такой же, вон, стоит среди этих...

– Хотя на вас есть балахон...

Вокруг, как видишь, все босые,

Нам остается лишь гадать...

– Не долго, думаю, осталось,

И мы сумеем все узнать.

Вдруг, яркий свет померк немного,
А чуть поодаль ярче стал,
Вращаясь будто по спирали,
Затягивал в себя портал.

Один, второй, все друг за другом,
Втекали лица в этот свет,
Дошел черед и до разведки,
И до всех тех, кто шел вослед.

– Прощай, танкист!
– Прощай, разведка, увидимся ль еще когда...
Ответа их он не услышал,
Лица текли словно вода.

Он тоже мелкими шажками,
К водовороту подступал,
С ним рядом шел американец,
Но свет потух – закрыт портал.

В массу восторженности неба,
Земная замешалась грусть,
Словно родных кого-то встретил,

И тут же потерял... «Что ж, пусть...».

«Пусть будет все, что суждено мне,
Страшней чем было – не бывать».

– Ну, что уставился, черт смуглый,
С русскими тяжело воевать?

Вдруг, визави глаза расширил,
Будто был сильно удивлен.

– И не таких мы побеждали...
Словно случайно бросил он.

Возникла пауза немая,
Каждый столь ясно осознал,
Что их различие лишь в коже,
Один другого понимал.

Свет в зале был, словно обычный,
И комната ли, то была...
Некое светлое пространство,
С границей белой добела.

Смотрели друг на друга молча,
Хотя и знали, что враги,
Но злоба, как-то притупилась,
Чувства земные – далеки.

Мысль довольно необычно,
Перемещалась в голове,
Неловко пауза тянулась,
Стояли двое в тишине.

– Как ты погиб? Спросил Владимир,
Сам от себя не ожидав.
Солдат молчал, стоял напротив,
Ни слова так и не сказав.

– И, черт с тобой, не интересно,
Я так, беседу поддержать,
Какая разница, как всем вам,
Скоро придется умирать.

Лишь бы скорей вы передохли,
Конец здесь уготован вам,
Как удобрение пойдете,
Нашим не паханым полям.

– Мы вас сильнее, умней и лучше,
Вы же – империя из зла,
Вас окружим и уничтожим,
Где Кремль был – будет зола.

Восторг небесный чуть подтаял,
Вновь вспомнилось земное зло,
Сжав кулаки, уперлись лбами,
Беседу круто занесло.

– Поляки жечь Москву пытались,
Чуть позже, и Наполеон,
Но, без империи остались,
А тот, утратил власть и трон.

Гитлер к Москве когда-то рвался,
Тоже исчез с лица земли,
Чтобы мечтать поджечь наш Кремль,
Надо к нему сперва дойти.

Я видел здесь, как вы нас лучше,
Тридцать твоих, и наших пять.
Что думал, в сказку здесь попали?
Готовьтесь много умирать.

Москву увидеть на открытке,
Вам будет лучше, мне поверь,
Вам не родить столько героев,
Сколько положите потерь.

Солдат молчал, услышав факты,

На правду нечего сказать.

– Молчи, молчи лучше смуглянка,
А то, могу и в морду дать.

– Ну, уж на это я отвечу,
Можешь попробовать солдат,
По каратэ имею пояс
И по стрельбе первый разряд.

– Еще скажи, что ты не куришь,
Бегаешь в парке по утрам...
А я курю, дерусь со школы,
На улице учился, сам.

Блеснув визитками солдаты,
Расширили проем меж лбов,
В проеме тишина повисла,
Между друг другом средь врагов.

Нарушил паузу нерусский.
– Хочешь узнать, как я погиб...
Танк расстрелял весь взвод наш в поле,
Но мой заряд им в башню влип.

Владимир, аж застыл на месте,
Буквально весь окаменел.

«Вот это да, какая встреча!»
– Знаешь, кто в танке том сидел?

Это был я, американец...
Так это ты в меня стрелял?
Кумулятивный твой посланец,
Нашу машину подорвал?

– Жаль, это раньше не случилось,
Стольких парней ты погубил,
Ты весь наш взвод из своей пушки,
Как крыса, спрятавшись, убил...

Лбы их опять соприкоснулись,
Злоба им сжала кулаки.
– И еще тысячи убил бы,
Хватило б твердости руки.

Не мы пришли на вашу землю,
Силою споры разрешать,
Как я уже сказал недавно,
Готовьтесь много умирать.

– Донбасс – это земля не ваша...
– Умник, историю читай.
Чувства вскипели, забурлили,

Переливаясь через край.

И на эмоциях, в порыве,
Ударил в его черный нос,
Тот же в ответ ему немедля,
Удар возмездия нанес.

С минуту длилась потасовка,
Друг друга жалили враги,
Упал на спину наш Владимир
Не удержав удар ноги.

Противник сверху, и сцепившись,
Катались по полу, сопя,
Изредка резко выдыхая,
Удар по цели, нанося.

Вдруг потемнело все в округе,
Бойцы затихли, в тот же миг,
Вернулся свет, а с этим светом,
Старик загадочный возник.

Стоял босой, как все здесь в белом,
С такой же длинной бородой,

О можжевелъниковый посох,
Опершись сильною рукой.

Смотрел глазами голубыми,
И взглядом мудрость источал,
Пристукнул посохом слегка он,
И на ноги бойцов поднял.

Встав во весь рост, смогли увидеть,
Что ростом был старик не мал
И богатырскую фигуру,
Небесный балахон скрывал.

До пояса был белый волос,
Как иней от холодных стуж,
Но это есть не дряхлый старец,
А просто очень древний муж.

– Полно солдаты, прекратите.
Старик спокойно произнес,
Злоба ушла, успокоенье
Двум неприкаянным принес.

– Вы же у Бога на пороге,
Нельзя такое тут творить,
Меня он к вам сейчас отправил,

Чтоб дать вам шанс сей спор решить.

Голос его влиял на душу,
Словно магический орган,
Его всю жизнь хотел бы слушать,
Как эликсир душевных ран.

– Сейчас отвечу я, Владимир,
На языке твоём вопрос.
Словно мороз пошел по коже,
А взглядом к старику прирос.

Не отрывая глаз от мужа,
Смотрели оба на него,
Разных сторон, идей и взглядов,
Два сына Бога одного.

– На небе я встречаю первый,
Души в бою павших солдат.
Ну, так сказать я принимаю,
Их первый ангельский парад.

Ваш случай редкий и особый,
Для вас закрыт пока тот свет.
Последний раз вот так стояли,
Здесь Челубей и Пересвет.

Они друг друга поразили,
Синхронно копьями пронзив.
И так же, как и вы подраться,
В споре своем нашли мотив.

Когда случается такое,
Некий сигнал уходит к нам,
И шансы выжить и остаться,
Мы увеличиваем вам.

Точно по центру разминулись,
Ваши ракета и снаряд,
Чуть-чуть друг друга не коснулись,
Создав энергии заряд.

Этот заряд и есть тот импульс,
Словно песчинка на песке,
Весы судьбы он перевесил,
Жизнь, удержав на волоске.

Ваши товарищи, солдаты,
Спасибо сильным их плечам,
Смогли доставить вас немедля
Хорошим, опытным врачам.

И те, склоняясь сейчас над вами,
Почти колдуют, чуда ждут,
А вы, в «небесной канцелярии»,
Немного задержались тут.

Вам хочу сделать предложение.
Возможно, лестное для вас
И, если мы здесь сговоримся,
То вы получите свой шанс.

Ваши врачи, те, что колдуют,
Над вами уже час подряд,
Своими умными руками,
Там с вами чудо сотворят.

Набравшись смелости Владимир,
Вопрос решился вдруг задать.
Старец, слегка глаза прищурив,
Кивнул и разрешил сказать.

– А Пересвету с Челубеем,
Ты тоже что-то предлагал?
– Нет, они были здесь недолго,
Смерть им открыла путь в портал.

Ну что, озвучить предложение?

Должны ответить вы сейчас:

«Да» или «Нет».

Такие шансы мы предлагаем только раз.

Так не везло еще солдатам,
Что здесь я видел до сих пор,
И заодно будет возможность,
Вам завершить ваш сложный спор.

«Да» – я озвучу предложение.

«Нет» – что смог уже сказал...

Скорей всего, что очень скоро,
Для вас откроется портал.

– Конечно да, небесный канцлер!

Владимир произнес в сердцах,
И словно искорка мелькнула,
В бездонных старческих глазах.

Взгляд перевел на Алабаму,
Тот чуть замявшись, сказал: – Да.

– Ну, тогда слушайте солдаты,
Задача очень непроста.

Тем более, я лишь озвучу,
Не поздно будет «нет» сказать,

Все исключительно по воле,
Мы не умеем принуждать.

Итак, друзья, я продолжаю,
Задача будет такова:
Отправиться вам вниз придется,
В край, где свирепствует война.

Край вам чужой, война не ваша,
Хотя, причастны все к войне...
Секрета нет, что получилось,
Людей поссорить Сатане.

Во всех концах большого Света,
Вместо того чтоб просто жить,
Люди воюют за ресурсы,
Стремясь друг друга погубить.

И, если б ненасытный дьявол,
Войной не отвлекал им мысль,
То до энергии бесплатной,
Их мысли скоро б добрались.

Все бы осилили болезни,
Достойно бы ценился труд,
У каждого была б работа,

И достигим любой маршрут.

И не было б голодных, нищих,
За хлеб готовых убивать,
И до безумия богатых,
Брезгующих руку им подать.

Ведь так устроено все Богом,
Что там всего хватит на всех,
Но слугам дьявола все мало...
Их ненасытность страшный грех.

Чтоб в золотом расплыться троне,
Мира судьбой повелевать,
Дьявол для этой гнусной цели,
Столкнет народы воевать.

Страна та Сирией зовется,
Который год в огне войны,
Идея там с идеей бьется,
Согласно плану сатаны.

Позиции сильны там Беса,
Все контролирует везде.
Теряем мы Али из вида,
И знаем, скоро быть беде.

– Что, неужели Бог не в силах,
С небес любой вопрос решить,
И дьявол смог себе участки,
Костями и кровью отчертить?

– В твоём вопросе, храбрый воин,
Господь зашифровал ответ.
Где ты сейчас? Ответь мне просто.
– На небесах, сомненья нет.

– Вот, и ответ тебе Владимир:
Нет Беса в Светлых Небесах,
Внизу черт очертил границы,
И правил нет в этих чертах.

Бывает так, что Бог не в силах,
Там что-то лично изменить,
И призывает простых смертных,
Готовых Богу послужить.

Вас выделил из всех тот импульс,
Не всем задача по плечу,
Без жертв ее вы не решите,
Предупредить я вас хочу.

Играть придется вам без правил,
Там одно правило – война.
И вся военная сноровка,
Вам будет очень там нужна.

Фигуры ваши в игру вводим,
За городом, из далека,
Так будет дольше, но надежней,
Шанс возрастет наверняка.

В красивом городе Алеппо,
Точке на теле у Земли,
Живет в семье простой, мальчонка
С арабским именем Али.

Судьбой начертано мальчишке,
Лидером стать у мусульман,
Объединить в одном союзе,
Много больших и малых стран.

Девиз союза того будет:
«Со всеми только в мире жить».
Он примиренью во всем Мире,
Сможет начало положить.

Неважно кто как в Бога верит,

Важны в итоге лишь дела,
Жить, созидать, любить и верить,
Во имя мира и добра.

В разных частях этого Света,
Такие дети рождены,
Чтобы спасти сей Мир прекрасный,
От пищи дьявола – войны.

Двое других растут спокойно,
Вокруг Али идет война,
Отнять у Мира шанс последний,
Решил трехглавый Сатана.

На месте вам дорогу знаком,
Я попытаюсь указать,
Голос души старайтесь слушать,
Не стоит им пренебрегать.

Здесь в кладовой нашей небесной,
Хранятся дубликаты тел,
Их применять имею право,
Только для крайне важных дел.

Скоро наступит очень редкий,
За бытность всю мою момент,

Тела свои вы обретете,
Их берегите, других нет.

Вижу, что есть еще вопросы,
Жаль время мало объяснять,
С собой на землю унесете,
Дар языки все понимать.

Если покажется вам часом,
Что выхода, как будто нет,
Просите помощи у Бога,
Он ниспошлет вам добрый свет.

Посох поднял, и свет стал ярче,
Их ненадолго ослепив,
Они познали невесомость,
Над балахоном воспарив.

Недолго все это продлилось,
Вернувшись на круги своя,
Они пред ним, словно висели,
В глаза бездонные смотря.

Стал различаться фон привычный,
Где белое все добела,
Их чувства стали необычны,

Им ощущались их тела.

– Что, непривычно, а солдаты?
Вижу, отвыкли вы от них,
Тела такие же, как были,
Шрамы и родинки на них.

И замолчал, в глаза им глядя,
Минуту тишина была,
Словно сказал им очень много,
Наполнив силой их тела.

– Вижу, готовы вы солдаты,
Богу помочь спасти ваш Мир,
Кстати, отсутствует над вами,
Вам столь привычный командир.

Без кэпа, как вы говорите,
Пройдете путь от «А» до «Я»,
Слушайте сердце вы, и душу.
Что ж, с Богом, он же вам судья.

Вдруг твердость из-под ног исчезла,
Каждый паденье осознал,

К земле тянуло свое тело,
В котором, раньше не бывал.

В ушах надрывно ветер свищет,
Дыханья спазм не превозмочь,
Ботинки прикоснулись к почве.
– В глазах темно или тут ночь?

– Скорей всего, что ночь настала,
Сейчас привыкнем к темноте.
Где-то слышны были разрывы,
Виднелись вспышки вдалеке.

Был впереди им виден город,
Блестели редкие огни.
– К утру бы нам туда пробраться,
Пока мы будем не видны.

Что ж, решено, пошли навстречу,
Мерцающим вдали огням.
– Пусть темнота нам помогает,
К утру нору найти бы нам.

Долго шли молча, не решаясь,
Продолжить спор, что начат «там»,
Эту нелегкую задачу

Век не осилить двум врагам.

Только плечом к плечу друг с другом,
Можно нелегкий путь пройти,
Вокруг война, война чужая,
И в ней Али нужно найти.

Чуть в стороне пошла дорога,
Решили в сторону уйти,
Две невидимки вошли в город,
Блокпост, оставив позади.

Тридцать шагов и остановка,
В городе шли по одному.
Слушать, смотреть, – эта страховка,
Не помешает никому.

Дошел до взорванной машины,
Присел, прислушался вокруг,
Сигнал подал, и с перебежкой,
К этой машине идет друг.

Добрались до многоэтажек,
Дома безлюдны и пусты,
И редкий дом был в том районе,
Где в стенке не было дыры.

Решили тут остановиться,
Укрыться в верхних этажах.
Уже светало понемногу,
Чтоб не маячить на глазах.

Отсюда можно осмотреться,
Понять, что здесь к чему и как,
Там где война – нужна разведка,
Иначе, в общем-то, никак.

Зашли в какую-то квартиру,
Где-то на пятом этаже,
Мебель, разломанная в щепки...
Хотелось им поспать уже.

Рваный матрац нашел Владимир.
– На вот, приляг и отдохни,
А я пока что подежурю,
Как отдохнешь – меня смени.

Кстати, меня зовут Владимир,
И во Владимире мой дом,
Большой России малый город,
Всю жизнь свою я прожил в нем.

– А я из штата Алабама,
И Алабамою зовусь,
Давно меня так называют,
На имя уж не отзовусь.

С натяжкой протянули руки,
В сердцах сквозил привкус вражды,
Но нужно было уживаться,
Раз оказались средь беды.

Так необычно, словно сбилась,
Где-то какая-то программа:
Вместе Владимир из Владимира,
Из Алабамы Алабама.

Средь дня друг друга убивали,
Чуть-чуть, за малым не убив,
А не прошло еще и суток,
Руки пожать нашли мотив.

Объединенные задачей,
Среди руин войны чужой,
Сон охранял один другого,
И тот другой уже был свой.

Недалеко слышны раскаты,
Происходил локальный бой,
Бил пулемет, гранатометы
Рассветный ранили покой.

И автомат швейной машинкой,
С короткой паузой строчил.
Владимир наизусть их звуки,
За год прошедший изучил.

Совсем недалеко стреляли,
В городе хитрая война.
Линия фронта – дом, квартира,
И явно глазу не видна.

Метрах в двухстах она проходит,
Кто, где и как трудно понять...
Давно воюет оппозиция,
Чтоб власть у Асада отнять.

«Вот выпится американец,
Надо на крышу нам сходить,
И с высоты многоэтажки
Картину можно оценить».

Уснул с открытыми глазами,
Мелькнула девушка его.
«Маринка, милая Маринка,
Как жаль, что ты так далеко...»

Чуть дернувшись, сразу проснулся.
«Нельзя солдат спать на посту,
В момент окажется враг рядом,
Хоть только что был за версту».

Сидел на корточках он рядом,
С разбитым вдребезги окном
И вдруг, двоих солдат заметил,
Что-то тащивших в этот дом.

К двери входной тихо подкрался,
В руке держа кусок трубы,
Сердце тревожно колотилось.
«Только бы не было беды».

Шаги прошествовали мимо,
На крышу эти двое шли,
И диалог свой на арабском,
Они между собой вели.

Владимир с удивленьем понял,

Что понимает эту речь,
Но важное из разговора
Не удалось ему извлечь.

Выглянул сонный Алабама.
– Как обстановка, ты с трубой?
– Уже минут, эдак пятнадцать,
Как не одни мы здесь с тобой.

Я думал, когда ты проспишься,
Вместе на крышу сходим мы,
Чтобы понять кто, где и как здесь,
И где среди всего есть мы.

– Может, вздремнешь?
– Да не до сна уж, те двое спать мне не дадут.
Теперь на крышу путь заказан,
Если заметят – нас убьют.

– Давай предельно осторожно,
Посмотрим с далека на них.
Может, их нет уже в помине,
И рядом бой почти утих.

– Давай попробуем, согласен,
Пойду пролетом сзади я,

Смотри вперед, спина прикрыта,
Надейся смело на меня.

Поступью кошки Алабама,
Первым по этажам пошел,
Следом, чуть ниже наш Владимир,
Ступая на носочки, шел.

Шли, останавливались слушать,
Опять, подобно кошкам шли,
И вот уже этаж последний,
Все в битой крошке и в пыли.

Лестница в рубку, ход на крышу,
– Будь здесь, я выгляну слегка,
Выглянул, тихо все, и вылез,
От напряжения тряслась рука.

Чуть-чуть прокрался, и увидел:
В правом крыле сидел солдат,
Словно рога, глаза буссоли,
За парашютом вверх торчат.

Парень уселся на футляре
И корректирует огонь,
Держала только «Моторолу»

Его солдатская ладонь.

А автомат стоял у стенки,
Была возможность нападать,
«Но если бы один он был здесь,
Что же второго не видать».

Владимир в тяжком ожиданье,
Тоже на лестницу шагнул
И выглянув чуть-чуть из рубки,
Часть крыши быстро оглянул

Но ничего там не увидев,
Решил на свое место стать.
Спускаясь, ногу вниз поставил,
Вздвогнув, услышал вдруг: «Стоять».

Словно замерз в нелепой позе,
Руки на лестнице с ногой,
Другая пола лишь коснулась...
«Досадно так, хоть волком вой».

Чуть обернулся и увидел:
В руках солдата автомат,

Который на него направлен...
Видно, как нервничал солдат.

Так и стоял он руки кверху,
Ногой, не смея на пол стать.
«Сейчас вернется Алабама,
Мне надо знак ему подать».

Услышал шорох где-то сверху,
Глаза молящие поднял.
– Брат, не стреляй! Довольно громко,
На чуждом языке сказал.

Чудом услышал Алабама,
И понял с удивленьем речь.
Чуть заглянул, и ствол увидел.
«Как же враг смог нас подстеречь?»

Теперь была только минута,
И он не стал ее терять,
Кусок стекла блеснул на крыше,
Он поспешил его поднять.

Невдалеке бой разгорался,
Шум растворял его шаги,
Ткань намотал, как рукоятку,

Для сохранения руки.

Подкрался к парню и с размаху,
В шею хрустальный штык вогнал...
Солдат вскочил и пошатнувшись,
Протяжно, жутко застонал.

В глазах застыли боль и ужас...
Боль от бессилия, ужас ран,
А из-под тряпки уже красной,
Крови пульсировал фонтан.

Шагнул, шатаясь к автомату,
Но тот уж был в чужих руках.
Резкий удар в кадык прикладом...
Паденье, рук бессильный взмах.

К рубке бежал и вдруг увидел,
Как в той же позе «руки вверх»,
Владимир из нее выходит.
«Успел, есть шансы на успех».

Опершись на грибок железный,
Стал на одно колено он,
Дернул затвор, загнал в патронник,
Зеленый, новенький патрон.

Прицелился, на спуске палец,
И громко крикнул: – Упади!
Владимир тут же распластался,
Только противник впереди.

И грянул громко одиночный,
А может, это звон в ушах...
Попала пуля в грудь солдату,
Не устоял он на ногах.

Лежал на крыше, в небо глядя,
Как крылья руки разбросал,
И крепко автомат советский,
В руке дрожащей он держал.

Слегка подергивались ноги,
И мышцами играла грудь,
Сердце кровь больше не качало,
Душа засобиралась в путь...

– Спасибо друг, жизнью обязан!
А ты, брат, воин неплохой.
– Сам от себя не ожидал я...

Уж больно хочется домой.

Откуда взялся этот в рубке?

– Сзади зашел и взял врасплох.

Смысл всего слова – в окончании...

Что ж, будет мне урок.

– Нужно отсюда убираться,

Их скоро кинутся искать.

Проверь у этого карманы,

А я на том пойду искать.

Две рации, два автомата,

Карта и пачка сигарет,

Рюкзак военный, магазины,

Гранаты, нож и пистолет.

Еще бинокль был и шашки,

Чтобы пускать в глаза всем дым,

Предметов обрели немало,

Все было очень нужно им.

С собой трофеи уносили,

Два быстрых силуэта вдаль.

«Мы живы – значит победили».

Но все равно была печаль.

– Ты что, грустишь, ответь Владимир?
– Да жаль того, совсем юнец.
– Если бы мы их не убили,
Поверь, что был бы нам конец.

Прекрасно это понимаю.
Не будет «наших» тут для нас,
Нет времени нам разбираться,
Миссия важная у нас.

В душе смятенье, скребут кошки.
«Что ж с людьми сделала война?»
Из головы не шел тот парень.
«Теперь он мертв, чья в том вина?»

Красивый город весь в руинах,
Ведь все для жизни было в нем.
Теперь вся жизнь сидит в подвалах
И не выглядывает днем.

«В диких зверей мы превратились,
По чьей-то воле, по вине...
Людей увидел – стреляй первый.
Ты на войне брат, на войне...»

Это не сон, что к сожаленью,
Это реальная война,
Во многих точках в этом Мире,
Все исковеркал Сатана.

«Ложись!» Услышал вдруг Владимир,
И тут же наземь он упал,
Метрах в семи лег Алабама,
К земле прижавшись, наблюдал.

Шла БМП в полсотни метров,
За нею джип и грузовик.
Из кузова смотрел с опаской,
С гранатометом боевик.

Шмыгнули в дом, как все утихло,
Слушали, рыскали вокруг,
Но все, как будто было тихо.
– Ну что, пойдём на крышу друг?

Вдруг зашипела «Моторола»,
Кто-то Саида очень звал,
Тело, которого на крыше,
А сам Саид вошел в портал.

– Давай-ка рации отключим.
– Да, их нам надо отключить,
Мало ли что, а их сигналы,
Нас могут враз разоблачить.

Их отключив, пошли на крышу,
Раздельно, осторожно шли
И, слава Богу, без сюрпризов,
До крыши не спеша дошли.

Глядя вокруг, смотрели в карту,
С трудом свой дом определив,
Справа от них был в сотне метров,
Частных домов большой массив.

Слева и прямо шли кварталы
Таких же типовых домов.
– Судя по карте, до дороги,
Еще земля боевиков.

А тут уже войска режима...
– Он не режим, а власть страны.
Свергнуть ее и создать хаос,
Такой ведь план у Сатаны?

– Свергнуть его ради свободы.
Он плохой лидер, он тиран.
Мы оппозиции поможем...
– А следующий будет Иран?

– Там тоже все очень печально,
Нет демократии, – режим.
Дойдет черед и до Ирана,
Мы так же разберемся с ним.

– Так же, как в Ливии с Ираком?
Теперь там хаос и война.
А раньше был мир и порядок,
Цвела в нем каждая страна.

Там правил их народный лидер,
И был порядок и закон,
Пока судьбой их не занялся,
Ваш вездесущий Вашингтон.

Сейчас вот, Сирия пылает,
На Украину влезли вы,
Зато в Америке порядок,
Две сотни лет там нет войны.

Скажи, кто дал такое право,

Вам судьбы стран других решать?
Вы слишком широко идете,
Штанишки можете порвать.

– Вы что ли нам штаны порвете?
Дикая, нищая страна.
Ты посмотри, как вы живете,
Ведь вокруг вас всегда беда.

– Штаны и все, что под штанами,
Ходили много к нам с войной,
Все об нас зубы поломали,
Позор познав, в штанах с дырой.

Тем же путем и вы идете,
Будет война, где влезли вы,
Везде свой грязный нос суете,
И вы есть, слуги Сатаны.

А потому вокруг нас беды,
Что всем покоя не дает,
Величие страны огромной,
Зависть слюной из вас течет.

Ты насчет дикости ошибся,
Нашу культуру чтит весь Мир,

Чехов, Толстой и Достоевский,
Для миллионов он кумир.

Да, не богаты мы сверх меры,
Но и не бедны, не скажи,
За свой счет мы живем, как можем,
Не то, что вы, в долгах и лжи.

На крыше среди антенн и тросов,
Под жарким солнцем среди дня,
Стояли два врага вчерашних,
Друг друга жалили вина.

Вчерашний враг, врагом уж не был,
Но другом стать пока не смог,
Хоть кое-что и прошли вместе,
Не просто перейти порог.

Молчал чуть хмурый Алабама,
Владимир факты говорил,
Которые нечем оспорить,
И он его не перебил.

Сказав, что думал без помехи,
Владимир тоже замолчал.
– Прости, я не хотел обидеть.

Американец вдруг сказал.

– Здесь извинения не к месту,
Ты убежденный патриот,
Кем-то введенный в заблужденье,
А в Мире все наоборот.

Будет возможность, докажу я,
Как заблуждаешься ты друг
И, что политика вся ваша,
Порочный, замкнутый, злой круг.

Невдалеке стрельба открылась,
Ухнул пехотный миномет
И мина, разрезая воздух,
До цели начала полет.

Невольно оба аж присели,
К реальности вернул их звук,
И автоматы крепче сжали,
Ладони их солдатских рук.

Слышен раскат, взорвалась мина,
Что вдаль отправил миномет,

Ухнул еще раз, и еще раз.

– В кого же он так часто бьет?

Владимир посмотрел в бинокль,

Толкнул товарища: – Смотри!

Вон видишь, где снаряд взорвался,

Там дом, весь в облаке пыли.

И от зажженного пожара,

Клубами поднимался дым,

И, что-то очень отдаленно,

Напоминало это им.

Секунда, и дошло обоим,

Дым очень уж напоминал,

Фигуру старца неземного,

Что их на небе принимал.

– А вот и знак, туда нам значит.

– На карте место обозначь.

– Теперь хоть не вслепую ползать...

– Присядь Владимир, не маячь!

Карта наглядно показала

Силы сторон, как напоказ,

Но не секрет, что измениться,

Все может круто через час.

Маршрут прикидывали с крыши,
И визуально осмотрев,
Перенесли его на карту,
Путь запасной предусмотрев.

На их удачу у Саида,
Сух-пай хранился в рюкзаке,
Они его, им помянули,
Перекусивши налегке.

И долгожданной сигаретой,
Владимир голову вскружил,
Американец сидел рядом,
Он был спортсмен и не курил.

Включили рацию, чтоб слышать,
Что на частотах говорят,
Слышали, как ругался кто-то,
Минуту целую подряд.

Нашли себе они среди многих,
Одну пустую частоту
И зафиксировав, забрали.
– Тебе вот эту, а мне ту.

Вдруг разбросает нас по карте,
Чтобы на связи быть тогда...
– Владимир, ближе к парашюту!
Снайпер заметит, здесь война...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.